

УДК 7.067

DOI: 10.34670/AR.2022.37.71.036

Гипотеза о человеческой руке как первой маске: аргументация и опровержение

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов,
профессор кафедры культуры мира и демократии,
профессор кафедры востоковедения и африканистики,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Маска в человеческой культуре выступает одним из ключевых атрибутов, создаваемых в сакральных, имитационных или творческих целях. Маска в том или ином виде присутствует во всех культурных традициях, а самые ранние из обнаруженных образцов относятся к 9-му тысячелетию до н. э. У науки пока нет однозначного ответа на вопрос, почему маска как атрибут культуры получила такое широкое распространение и что стало отправной точкой для данной материальной культурной традиции. В рамках данной статьи, опираясь на археологические данные, мы рассматриваем ключевые предположения, в том числе вступаем в дискуссию с гипотезой о том, что маска как атрибут культуры берет свое начало в человеческом теле, а именно сопоставима по своим исходным функциям с человеческой рукой, которую отдельные исследователи трактуют как «первую маску» в человеческой культуре.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Гипотеза о человеческой руке как первой маске: аргументация и опровержение // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 1А. С. 302-320. DOI: 10.34670/AR.2022.37.71.036

Ключевые слова

Маска, рука, лицо, наскальная живопись, графарет, скульптура.

Введение

Одним из важных и нерешенных вопросов современной культурной антропологии является вопрос о происхождении маски как атрибута культуры, представляющего определенный сакральный образ. Этот вопрос является нерешенным в силу того, что в исторической ретроспективе, как и сегодня в архаических обществах, маски изготавливались из нестойких материалов, например из дерева, и имели утилитарную функцию, т. е. часто уничтожались после проведения культовых мероприятий. В связи с этим со всей актуальностью встает вопрос об истоках традиции создания масок и тех артефактах, которые могут указать нам на данные истоки. В числе данных артефактов мы рассматриваем самые ранние примеры, относимые к периоду палеолита и связанные с наскальной живописью, первыми скульптурами и самыми ранними из обнаруженных археологами масок.

Основанием для написания данной статьи послужила книга В.А. Воронцова «О первой маске и ее роли в генезисе древних верований и знаковых систем», которая была опубликована в 2017 г. и представляет интересную авторскую позицию по поводу происхождения маски как атрибута социогенеза, которую тем не менее нельзя трактовать как однозначную.

В данной работе автор заявляет (на наш взгляд, вполне справедливо), о том, что маска является атрибутом социогенеза и присутствует в различных архаичных культурных традициях, закрепляя свою сакральную роль через религию, мифы и даже сказки.

В то же время В.А. Воронцов уже в начале своей работы заявляет, что в качестве первой маски рассматривалась человеческая рука и это стало общеприменимым атрибутом социогенеза на древнем историческом этапе. Автор использует обширный антропологический, этнографический, лингвистический и психологический материал, доказывая правильность своей позиции, однако, несмотря на аргументацию, данный авторский подход оставляет больше вопросов, чем ответов, что требует дополнительного проведения историко-культурологического анализа с опорой на широкий круг источников и литературы.

Методология

Говоря о методах, использованных в нашем исследовании, следует сделать акцент на прагматизме исследовательской позиции. Конечно, о роли маски в культуре можно размышлять и с точки зрения философии, и с позиции языкознания, но мы предпочитаем более глубинный подход, основанный на археологических находках и артефактике. В связи с этим мы применяем методы исторического анализа, указывающего на преемственность архаичных, в том числе палеолитических, культур, метод компаративного анализа, предполагающего сравнение образцов наскальной живописи и скульптуры, метод эксперимента, предусматривающий имитацию древних произведений наскального творчества, и метод кросскультурного исторического сравнения, предполагающий возможность девиантного развития палеокультур в различных условиях существования сообществ гоминид.

Первичная дискуссия

В преддверии анализа обратим внимание на то, что сам по себе процесс социогенеза, неразрывно связанный с антропогенезом и генезисом человеческой культуры в целом, представляется современным исследователям достаточно сложной темой, поскольку характеризуется большим количеством «белых пятен» и отсутствием возможности

формирования линейной концепции развития человеческого общества. Это обусловлено широким комплексом факторов.

Первый из них и, возможно, самый важный фактор связан с отсутствием, а точнее дискредитацией линейного развития гоминид в рамках эволюционной системы. Исследователи, прежде всего палеонтологи и антропологи, а также генетики, все чаще задаются вопросом о том, какова была реальная последовательность эволюции рода *Homo* и какие ветви данного развития следует рассматривать как тупиковые, а какие, наоборот, позволили обозначить преемственность видов и привели к возникновению современного *Homo sapiens*? Как следует из анализа видовой преемственности, сегодня в науке существует проблема выраженного рассогласования между выкладками генетиков и находками палеоантропологов, работающих «в поле» [Чем..., www], хотя и те и другие сходятся во мнении, что генетический код современных людей относительно однороден и отличается в границах не более 5-6% в аспекте потенциальных заимствований у других видов гоминид, например неандертальцев или денисовцев, что подтверждает единство человеческого вида.

Второй момент, который, на наш взгляд, не менее важен, связан с отсутствием линейности исторического развития, которое, в зависимости от условий среды, могло способствовать либо препятствовать развитию отдельных групп и формированию у них протокультуры.

Третий момент можно связать с археологической эклектикой, которая обусловлена уровнем сохранения культурного наследия тех или иных групп гоминид и ареалом изучения.

В итоге возникает вопрос о том, насколько объективным может быть исследование, посвященное поиску первоисточника маски как атрибута социогенеза. Если подойти к данному вопросу теоретически, то можно предположить, что поиск «истоков» является аргументированным и связан с анализом материальной культуры, элементы которой можно обнаружить и сегодня (к примеру, на стоянках первобытных людей), однако, что показательно, автор анализируемой работы идет несколько иным путем, изучая прежде всего философское наследие, в какой-то степени подтвержденное материальной аргументацией.

Анализ концепции В.А. Воронцов, изложенной в работе «О первой маске и ее роли в генезисе древних верований и знаковых систем»

В своей монографии В.А. Воронцов констатирует, что «маска является архаичным и крайне загадочным феноменом человеческой культуры, тесно связанным с древними верованиями и знаковыми (моделирующими) системами» [Воронцов, 2017, www]. При этом автор апеллирует к определениям, представленным в Советском энциклопедическом словаре¹, работах А.Д. Авдеева² и Л.А. Новиковой³, в которых маска представлена как достаточно утилитарный атрибут человеческой культуры, применяемый в ритуалах, процессе похорон и в рамках празднеств. Это порождает вопрос о том, почему автор считает маску «загадочным атрибутом». В дальнейшем в тексте мы получаем ответ на данный вопрос, который связан с

¹ См.: Порохов А.М. (гл. ред.) Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1632 с.

² См.: Авдеев А.Д. Маска. Опыт типологической классификации по этнографическим материалам // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1957. Т. XVII. С. 233-345.

³ См.: Новикова Л.А. Маска в культуре // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб., 1991. С. 11-44.

полифункциональностью и разнообразием масок, например в классификациях Р. Андре⁴ и Д.А. Анучина⁵, а также в классификации Ф. Ратцеля⁶. Таким образом, В.А. Воронцов констатирует, что маски могут быть различных типов в зависимости от функций, которые они выполняют в общественной жизни, но тем не менее в интерпретации маски пока отсутствует единство концептуального видения. Оно приводится далее, на основе обобщенного перечня работ российских и иностранных философов и этнологов, и фактически не раскрывается.

Автор неожиданно резюмирует данное обобщение: «Несмотря на обилие работ, вне поля зрения исследователей оказалась предельно архаичная и самая универсальная маска – человеческая рука» [Там же]. Он неожиданным образом констатирует, что невнимание к руке как инструменту социогенеза «порождает искаженные представления о времени появления маски, о ее жизненно важных функциях, связанных со становлением знакового общения, исходных форм сознания и т. д.» [Там же].

Данная логика не вполне понятна, так как в архаичных культурах действительно присутствуют изображения руки, но при этом отсутствуют прямые параллели с маской как атрибутом интерпретации сакрального смысла. Вследствие этого возникает вопрос о том, в чем именно заключается преемственность и как она реализуется на практике, например в системе археологических артефактов.

Вместо прямой аргументации автор приводит слова французского философа (не антрополога) и социолога Р. Кайуа, который действительно писал о том, что повсеместное использование масок в первобытные времена называет “одной из главных загадок этнографии” [Кайуа, 2007], но здесь возникает когнитивный диссонанс, связанный с тем, что В.А. Воронцов заявляет, что «решить эту загадку в принципе невозможно, если не учитывать универсальную маску человека – его руку» [Воронцов, 2017, www]. Как следствие, мы наблюдаем порок логики и адаптацию определенной концепции к необоснованному умозрительному заключению: почему невозможно, если есть артефакты, которые имеют достаточно аргументированную интерпретацию? Тем не менее данный путь автора монографии не устраивает, и вместо погружения в систему артефактов он констатирует существование определенного коктейля интерпретаций: «Загадочен и тип первой маски. В религиозных культурах первобытных сообществ можно обнаружить маски самых разнообразных типов. Маски носят на голове, на лбу, на руке, на пальцах и т. д. Издревле было принято делать маски из слепков, снятых с лица умерших. Известны погребальные маски, изготовленные из золота и других материалов. Широко использовалась маска и в ритуалах, связанных с изгнанием “злых духов”. Существует множество изображений “Страшного суда”, на котором присутствуют божества и люди в звериных масках» [Там же].

Данный «коктейль» интерпретаций с точки зрения культурной антропологии порождает когнитивный шок, так как автор, стремясь охватить многообразие масок, мешая воедино африканские традиции современности, микенскую традицию посмертных масок и формат суда, который иллюстрируется египетской фреской. Подобное соотнесение традиций создания масок, возможно, было бы уместно в системе их каталогизации или категоризации, но совершенно

⁴ См.: Andree R. Die Masken // Ethnographische Parallelen und Vergleiche. Neu Folge. Leipzig, 1889. S. 107-165.

⁵ См.: Анучин Д.А. Маска // Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1896. Т. XVIII-а.

⁶ См.: Frobenius L. Die Masken und Geheimbünde Afrikas. Halle: Kaiserliche Leopoldinisch-Carolinische Deutsche Akademie der Naturforscher, 1899. 278 S.

неприемлемо в рамках доказательства теории возникновения первой маски.

Здесь уместно определенное отступление, связанное с реальной археологической практикой, в соответствии с которой действительно существует условный феномен первой маски, относимой к IX тысячелетию до н. э. Данные маски были обнаружены в 2014 г. на территории Израиля в пустыне Мидбар Ехуда в запечатанной пещере, которая, предположительно, использовалась для проведения ритуалов и символизировала переход из мира живых в мир мертвых (см. рис. 1): «Вероятнее всего, внутри этой пещеры древние люди проводили обряды, о чем свидетельствуют найденные помимо масок бусины, ножи из кремня, вырезанные из камней фигурки и человеческие черепа» [Ганиев, www].

Рисунок 1 - Самая ранняя обнаруженная маска [Там же]

Обратим внимание на то, что маски, обнаруженные в пещере, демонстрируют лица, а отнюдь не руки, как об этом пишет В.А. Воронцов, хотя, несомненно, наличие других артефактов свидетельствует о комплексных ритуалах, включавших как элементы лицедейства, так и деятельность рук, а возможно, и всего тела (например, танец).

Кроме того, если подробнее рассмотреть обнаруженные маски, то можно обнаружить отверстия для их крепления именно к голове жреца или шамана, что указывает на механизм имитации, возможно, связанный с практикой «перевоплощения» в духа.

Возможно, в 2017 г., когда работа В.А. Воронцова увидела свет, результаты изысканий американских исследователей 2014 г. еще не были популяризованы и первая маска представлялась действительно абстрактным символом, который был отдален от нашего времени тысячелетиями культурного развития. Тем не менее дальнейшее прочтение работы автора вызывает другие, подчас краугольные вопросы. Например, автор декларирует, что исходной наукой была медицина, апеллируя к словам исследователя Павлова, жившего в XX в. Более того, он констатирует, что «антропоморфизм и органопроекция, присущие архаичному сознанию, до сих пор не пробудили интереса к подлинным человеческим древностям и ценностям у основной массы исследователей, призванных изучать человека, его культуру, а не культуру камня, бронзы, железа. Решающую роль в пропаганде антиисторизма, вещизма, механицизма, примитивизма, глубоко ошибочных взглядов на человеческие древности и ценности традиционно играет археология» [Воронцов, 2017, www]. Данное заявление, на наш

взгляд, представляется возмутительным: если не исследовать человеческое общество в архаичный период с позиции артефактики, то возникает вопрос о том, как в принципе его можно исследовать. По-видимому, с точки зрения В.А. Воронцова с позиции философии и преимущественно XIX-XX вв., а также языкознания и, возможно, культурного эволюционизма? Но эти методы оказываются применимы только к длящимся культурным и языковым традициям и крайне слабо подходят для изучения архаичного периода и мертвых культур.

Тем не менее, несмотря на аргументацию Воронцова, которая, на наш взгляд, весьма противоречива, основной вопрос его работы «О первой маске и ее роли в генезисе древних верований и знаковых систем» сохраняет свою актуальность и, более того, в свете спекуляций приобретает новое критическое измерение, которое мы попытаемся интерпретировать далее на основании фактологического материала и обнаруженных археологами артефактов.

Результаты. Истоки маски и образ руки в первобытном творчестве

Рука действительно является важным атрибутом архаичной культуры. Прежде всего это связано с тем, что до изобретения орудий рука являлась единственным «инструментом», которым обладал человек. В более поздний период рука служила средством адаптации целей человека к покорению окружающей среды через инструмент. Однако данный тезис вызывает вопрос о том, насколько действительно рука выступала сакральным атрибутом. На наш взгляд, сакральность руки была весьма относительной, так как руками обладает каждый член общества. В то же время руку нельзя считать абсолютно десакрализованным элементом, так как она символизирует функциональность человека и его адаптивность к достижению целей сообщества.

Таким образом, тезис Воронцова о том, что рука – это первая маска, имеет смысл. Но в то же время возникает вопрос о том, не существует ли у руки смысловой альтернативы, которая предшествовала бы ее функциональному значению, выступала бы вперед в контексте противостояния правого и левого полушарий мозга, отвечающих за правую и левую руку соответственно. И здесь археология представляет нам широкий материал для анализа и обобщения. В первую очередь внимание привлекает образ руки, сохранившийся в творчестве людей неолитического периода. Таких примеров довольно много, и все они связаны с наскальной живописью, в то время как артефактов, имитирующих именно руку (например, вырезанную из кости), до нас не дошло.

В данном контексте интерес представляет работа «The technology of the earliest European cave paintings: El Castillo Cave, Spain», в которой авторы проводят анализ одних из наиболее древних наскальных рисунков – красных дисков из пещеры Эль-Кастильо.

Авторы исследования приходят к выводу о том, что кластеры дисков создавались разными людьми в разное время. Эргономические ограничения подразумевают, что ряд дисков был изготовлен взрослыми, а различия в текстуре и составе пигмента предполагают, что они создавались с применением инструментов (вероятно, костяной трубки), изготовленных разными людьми, которые не обладали ни одинаковыми техническими ноу-хау, ни, очень возможно, одной и той же символической системой. Также возможно, что более поздние «художники» имитировали творения более ранних [D'Errico et al., 2016].

Тем не менее темпоральная пролонгированность изображений и их тематическое единство свидетельствуют о наличии определенного культурного или религиозного символизма. Обращение к данному исследованию в нашей статье неслучайно, так как говорит о развитии культуры наскальной живописи и предполагает ее эволюционизм, который мы можем

наблюдать в других археологических памятниках неолитического периода, но уже в контексте создания более сложных изображений, в том числе изображения руки, а также изображений животных и людей.

Здесь актуальным становится вопрос о первичном типе изображений. Казалось бы, наличие технологии рисования через распыление краски, описанное выше, открывает дорогу «трафаретному» творчеству, где в качестве трафарета предстает рука или иной объект, а уже от «трафаретного» творчества древние художники могли бы перейти к другим вариантам живописи. Данного подхода, в частности, придерживался Жорж-Анри Люке, который предположил, что человек начал свою творческую историю со случайных отпечатков ладони, которые затем стал воспроизводить специально и придал им сакральный смысл [Люке, 1930].

Данная теория неверна. По крайней мере, мы не можем найти ее подтверждения на основе археологических данных. Это обусловлено тем, что в одних и тех же местах нахождения наскальных рисунков соседствуют уже описанные трафаретные изображения и вполне осознанные рисунки, представляющие людей и животных, например в пещере Шове и пещерах, обнаруженных в Индонезии. Кроме того, археологи приводят также данные о разнообразии, хотя и ограниченном, трафаретных изображений, так как наряду с изображениями рук в отдельных случаях, например в пещерах Вади Сура II в Ливийской пустыне (Египет), присутствуют изображения лап рептилий (вероятно, варана [Honoré et al., 2016]), которые с учетом их наложения на отпечатки человеческих рук можно предположительно связать либо с культом животного, либо с прямой ассоциацией конкретного человека и рептилии, т. е. в любом случае просматривается сакральный смысл, который «говорит» нам о том, что отпечатка ладони недостаточно и требуется «сакральное освидетельствование» через привнесение других образов (см. рис. 2).

Рисунок 2 - Отпечатки рук в пещере Вади Сура II (фрагмент)⁷ [Отпечатки..., www]

Это, хотя и косвенно, может говорить о том, что гипотеза руки-маски также неверна, так как рука без идентификации через дополнительные образы по-своему типична, а если мы хотим

⁷ Отпечатки из пещеры Вади Сура II в Ливийской пустыне (Египет). На фотографии видны изображения двух маленьких ладоней на фоне больших рук.

обратить внимание на уникальность, то гораздо эффективнее использовать личину, которой можно придать уникальные характеристики.

Кроме того, если мы обратим внимание на рисунок целиком (рис. 3) и попробуем проанализировать его концепцию через смысловые символы, то мы увидим, что изображения руки вторичны по отношению к концепту рисунка, а сам рисунок динамичен и является иллюстрацией к какому-то событию, в рамках которого один человек возвысился над группой, а другой был низвергнут (цифра 2). В то же время можно предположить, что трафареты рук (цифра 1) отражают сопричастность конкретных людей к произошедшему событию, т. е. выступают в качестве архаичной подписи в условиях отсутствия письменного языка.

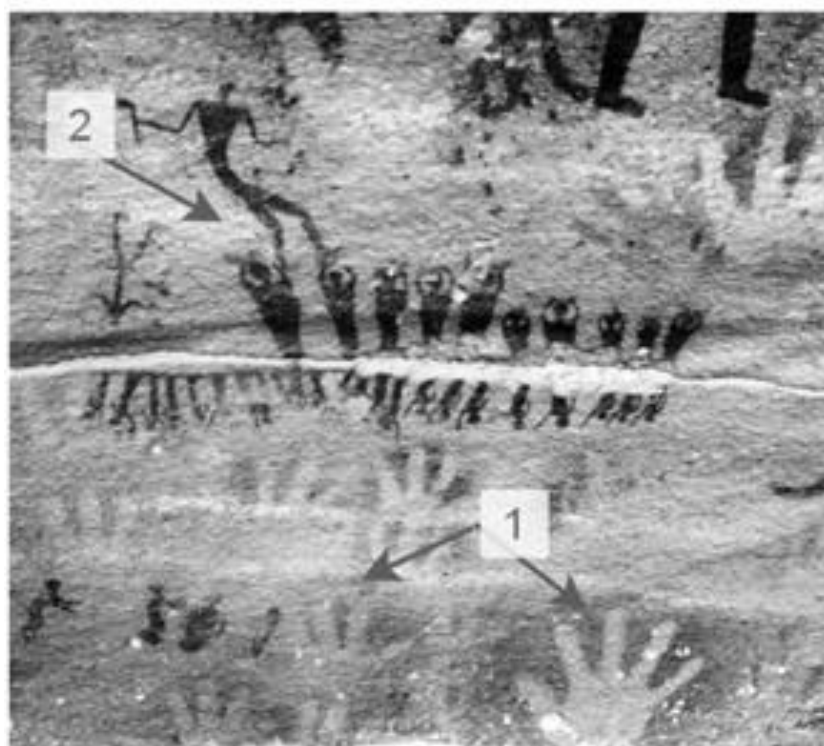

Рисунок 3 - Наскальный рисунок в пещере Вади Сура II

Более того, анализ наскального рисунка дает нам возможность проанализировать и фрагмент существовавшей в этом регионе религиозной системы. Мы являемся наблюдателями не просто конкретного акта низвержения, а, вероятно, убийства, так как общая картина разделена четкой горизонтальной линией, под которой также находятся изображения людей, но они меньше и перевернуты, что позволяет провести аналогию с древнеегипетской и древнегреческой традициями, которые предполагают физическую разделенность мира живых и мира мертвых. Привлекает внимание и фигура падающего персонажа. Очевидно, что в процессе падения он переворачивается, т. е. от категории людей «стоящих» переходит к категории людей «перевернутых» и, видимо, мертвых.

В данной мифологизированной картине нас в первую очередь интересует образ руки. Мы уже предположили, что ее отображение на камне является формой подписи, но с учетом того, что, вероятно, отпечатки рук ставились в разное время, можно интерпретировать данный трафарет как форму преемственности поступку предка или основателя рода. Таким образом, рука является формой идентификации человека и представляет аналог подписи.

Данный тезис мог бы показаться голословным, если бы мы не встречали аналогичного поведения в других культурах, например в пещере Куэва-де-лас-Манос. «Пещера рук» находится в Аргентине и относится к периоду 13 000-9500 лет, т. е. на 4 тысячи лет раньше, чем появились первые известные науке маски, и в ней действительно встречаются лишь отображения рук, выполненные по принципу трафарета (см. рис. 4). Эта пещера вызывает интерес исследователей как объект, созданный человеком вне контекста сакральных функций. Но так ли это и можно ли предположить, что отпечаток ладони схож с маской?

Рисунок 4 - Куэва-де-лас-Манос (фрагмент)

Наш ответ – отчасти, так как объективно отпечатки ладоней оставляли разные люди для того, чтобы сохранить память о себе, но какова была их цель? Здесь мы прибегаем к методам антропологии, которые свидетельствуют о следующем. В первую очередь важен размер ладоней. Вероятно, они принадлежали подросткам (возможно, только мальчикам) в силу небольшого размера. Второй момент связан с тем, что почти все руки левые, т. е. каждый человек держал правой рукой трубку распылитель для того, чтобы сформировать изображение, что свидетельствует не об искусстве, а о ритуале. Третий момент связан с предположительным отсутствием фаланги мизинца на некоторых трафаретах, что может быть связано с ритуальными увечьями, т. е. обрядом инициации [Конспекты..., www]. Это проявляется и в других наскальных рисунках, например в трафаретных и оттисковых изображениях рук без фаланг из пещеры Коске во Франции [McCauley, Maxwell, Collard, 2018], хотя есть предположение, что такого рода отпечатки стали формой имитации и не связаны с насильственной инициацией, а являются данью традиции, что обусловлено снижением функциональности руки после такой операции.

В пещере Коске большую часть рисунков составляют отпечатки рук (см. рис. 5): «Всего их насчитали 55 штук, возраст их около 28 тысяч лет. Сделаны они либо черной, либо коричневой краской. Краску... изготавливали на основе натуральных красителей – мела, охры, угля, которые смешивались с животным жиром» [Зеленская, www].

Тем не менее критики подхода к трактовке, связанной с нанесением увечий такого рода при инициации, ставят вопрос о дальнейшей функциональности человека, который, лишившись нескольких пальцев каменным инструментом, вероятно, умер бы от сепсиса, а если и остался бы жив, то не смог бы эффективно функционировать, например заниматься охотой или

собирательством. В связи с этим скептики высказывают предположение о том, что пальцы могли быть умышленно загнуты для создания определенного ритуального эффекта. Например, мы можем предположить, что загнутые пальцы символизировали лапу с когтями хищного животного, что можно связать с инициацией охотника.

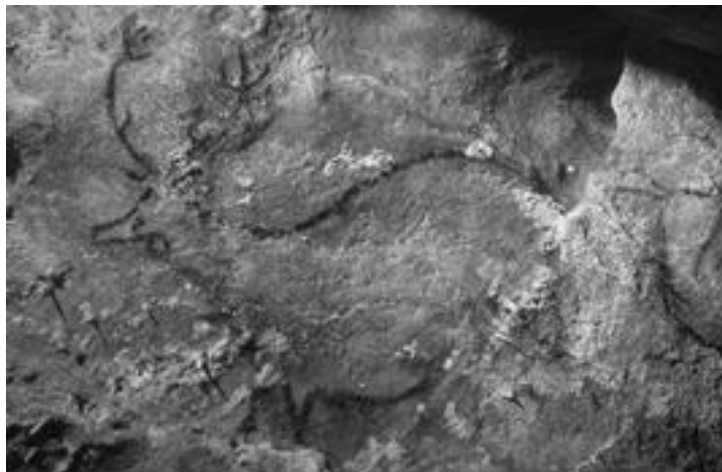

Рисунок 5 - Пещера Коске

Рассуждая в данном ключе, мы получаем определенный комплексный эффект маски и ритуала в целом. Рука человека имитирует лапу хищника. С учетом механизма нанесения краски можно предположить сопровождение ритуала определенной раскраской тела, по крайней мере рук. Следующий тезис связан с соседством изображенных рук с изображениями животных – объектов охоты, многие из которых изображены гипертрофированно тучными (см. рис. 6), т. е. можно предположить, что сам процесс охоты как источника жизни племени был сакрализован и сопровождался ритуалами разного характера. Наиболее общий тезис связан с самим местом – пещерой, которая, например в случае с пещерой Коске, явно не могла быть местом повседневного проживания племени в силу ее углубленности в скальную породу на 137 метров [Там же] и наличия вертикального входа снизу вверх. Пещера, вероятно, представляла собой своего рода храм почитания охотников и добычи, в котором адепты данного культа перевоплощались в рамках проводимых ритуалов.

В связи с этим стоит обратиться к статье «A cross-cultural perspective on Upper Palaeolithic hand images with missing phalanges», опубликованной в 2018 г. в *Journal of Paleolithic Archaeology*. Эта работа знаменательна тем, что в ней авторы представляют аргументированный альтернативный подход к интерпретации образа руки в палеоискусстве, который как раз предполагает физическую ампутацию фаланг пальцев рук. Аргументацию данных действий и возможность такого культа ученые усматривают в близких практиках, применяющихся современными обществами, находящимися на ранней стадии социального развития. Авторы провели исследование 121 общества, существующих в Африке, Азии, Америке и Океании, которые практикуют удаление сегментов пальцев, используя десять различных методов. Выявленные методики разделяются на два типа: те, в которых операция производится на живом человеке, и те, где человек уже умер. С точки зрения создания наскальных изображений, вероятно, приоритетным был именно первый вариант. В рамках первой категории авторы

проводят разделение на добровольные и произвольные методы – насильственные или навязанные [McCauley, Maxwell, Collard, 2018].

Рисунокб - Пещера Коске (фрагмент)

На основании собранного этнографического материала исследователи рассуждают о возможных смыслах ампутации и выделяют следующие: жертвоприношение плоти, скорбь (траур), принадлежность к группе, исцеление болезни и символическая брачная. В отношении произвольного удаления фаланг авторы пишут об искупительной функции (за преступление) и функции создания артефакта – талисмана. Посмертные практики предполагают такие варианты, как создание талисмана, символ победы над врагом и обращение к божеству с определенным воззванием [Ibidem].

Критически анализируя обобщенные авторами причины ампутации фаланг пальцев рук, можно прийти к выводу о том, что далеко не все они соотносятся с необходимостью оставлять их изображение на стене пещеры. В первую очередь сомнения вызывают посмертные практики, так как речь в них идет о ритуале изъятия небольшой части тела по разным причинам, а не об отрезании всей руки в качестве трофея, что делает практически невозможной транспортировку тела в отдаленную пещеру для создания рисунка, а затем, видимо, обратно, так как в большинстве пещер, где обнаружены изображения рук, не обнаружены останки людей, тем более с отсеченными фалангами.

Если говорить о прижизненной ампутации, то наиболее понятным является ритуал жертвоприношения фаланг в рамках культовой системы с дальнейшим запечатлением результата на стене сакральной пещеры. Предположительно этим должны были заниматься шаманы, что действительно может говорить о многократном проведении ритуала. Остальные варианты, на наш взгляд, не выдерживают критики, так как такие ритуалы, как траур и бракосочетание, а также принадлежность к группе, должны носить массовый характер и вряд ли могут быть связаны с лишением человека работоспособности (а речь идет об отсечении многих фаланг на одной руке, как, например, на изображениях в пещере Коске). Искупление проступка или исцеление болезни, например обморожения, вряд ли можно считать достойными поводами для увековечивания в священном месте. В итоге вероятность осознанной ампутации пальцев большого количества людей представляется маловероятной, что отчасти подтверждается и самими авторами, которые в конце статьи отмечают отсутствие прямых аналогий и археологических доказательств, например скелетов с умышленно

деформированными руками.

В то же время можно согласиться с авторами в том, что отдельные подобные практики могли иметь место, и в том числе это коррелирует с идеями Дж.Д. Льюиса-Уильямса, который говорил о том, что группы первобытных людей могли заниматься дисфорической ритуальной практикой. Он предположил, что большая часть изображений, используемых в пещерах, отражают потребление веществ, изменяющих сознание, следствием чего мог стать эффект дисфории, для которой характерны частые аффективные вспышки и легкость проявления агрессии, например нанесение физического ущерба другим [Lewis-Williams, 1991; Lewis-William, 2001].

Здесь же следует отметить, что ритуалы, связанные с нанесением ран, а также с отсечением фаланг пальцев, могли способствовать коллективной внутриплеменной мобилизации и формированию культа инициации, основанному на коллективном испытании, как это, например, сегодня происходит в отдельных племенах Африки [Оля, 1976].

Если вслед за авторами статьи «A cross-cultural perspective on Upper Palaeolithic hand images with missing phalanges» рассматривать идею ампутации пальцев как форму широкого социального поведения или шаманистской практики, то можно предположить существование параллели между измененной рукой и маской, подразумевая под маской не объект, закрывающий лицо, а некую символическую форму, указывающую посвященным на определенные сакральные смыслы, покровительствующие данному конкретному человеку. В данном случае, предполагая, что измененная рука в своем смысловом значении комбинировалась с другими атрибутами, например одеждой, украшениями, практикой шрамирования и т. п., можно говорить о том, что в целом создавался комплексный индивидуальный образ, который, подобно маске, заявлял о статусе, возможностях и специфических особенностях конкретного индивида, рассматриваемого в локальной социальной среде с позиции артефактики.

Подтверждением этому служит эксперимент, проведенный автором по воспроизведению трафарета рук из пещеры Гаргас во Франции (см. рис. 7). Эксперимент показал, что практически невозможно добиться сходства изображения при создании аналогичного трафарета, особенно в области мизинца (пункт 1, 2 и 6), так как на исходном изображении длина мизинца указывает на сохранение двух фаланг, в то время как загнуть верхнюю фалангу, сохранив при этом четкость рисунка, практически невозможно. В то же время объекты 4 и 5 вполне могут быть повторены с учетом того, что рука, с которой снимается трафарет на рисунке 4, находится немного в горизонтальной плоскости, что укорачивает и длину ладони, и длину пальцев, которые были загнуты естественным образом.

Тем не менее и здесь возможны определенные контраргументы, так как сам факт физического ритуального изменения формы руки остается недоказанным. В частности, в изображениях рук с недостающими фалангами можно усмотреть знаковые комбинации, символизирующие язык жестов охотников (Леруа-Гурхан, 1967; Барьер и Суэр, 1993; Деллюк и Деллюк, 1993; Клотт и Курти, 1994) или систему счета до 5 (Руйон, 2006), а также просто «подпись» с уникальной конфигурацией (Ван ден Брук, 1950). Таким образом, гипотеза о том, что рука выступала в качестве первой маски, остается недоказанной, хотя существуют аргументы как за, так и против данной теории.

Несмотря на примат артефактики над другими методами исследования смыслов палеолитических изображений руки, на наш взгляд, нельзя игнорировать их полностью, так как очевидно, что невзирая на отдаленность исторического периода в рамках развития

общечеловеческого вида, присутствует культурная преемственность, о которой пишет С.З. Агранович. Она отмечает связь отпечатков рук с коммуникацией как между отдельными людьми или их группами, так и между живыми и мертвыми, духами, чтимыми предками: «Здесь, с одной стороны, важен смысл магического контакта потомков с предками посредством соприкосновения ладоней через стену пещеры, которая мыслилась как грань миров – "живого", обитаемого, структурированного мира и "мертвого", хаотического, хтонического мира, где обитают духи предков. <...> Когда человек касается ладонью [стены пещеры], как бы запечатывает ее, кладет печать (в русском языке печать и отпечаток, в том числе руки, – это родственные, однокоренные слова), то с другой стороны его касается предок. Ладонь предка прикасается к его ладони и передает ему силу, мощь, спасение» [Конспекты..., www]. Таким образом, получается, что мы говорим не об образе, подобном маске, а о сакральной коммуникации между поколениями, символизирующей преемственность и определенную логику бытия, аналогичную молитве, обращенной к умершим родственникам, либо спиритическому сеансу, особенно если мы отталкиваемся от подхода Дж.Д. Льюиса-Уильямса, предполагавшего употребление наркотических веществ [Lewis-Williams, 1998].

Рисунок 7 - Пещера Гаргас (Фрагмент) [Графареты..., www]

Итоговая дискуссия

Несмотря на то, что выше мы уже привели множество аргументов за и против тезиса о том, что рука могла выступать в качестве первой маски, мы пока еще не затронули важный вопрос связи маски и палеоскульптуры. На наш взгляд, данный вопрос крайне важен, так как палеолитическое искусство является многовекторным и предполагает создание не только рисунков, но и образцов скульптуры, которые по своему смыслу, вероятно, ближе к образу, который можно перемещать, представлять в качестве сакрального атрибута и рассматривать как

центр сакральной системы племени. В пользу данного тезиса говорят и многие археологические исследования, демонстрирующие миграцию палеолитических племен вслед за животными – объектами добычи, а также по причине изменения климата. Кроме того, далеко не все палеолитические общества обладали пещерами, пригодными для отправления культа и создания наскальных рисунков. Это порождает вопрос о вариациях архаичных культов и дает возможность сделать предположение о том, что во многих сакральных системах присутствовали перемещаемые сакральные атрибуты, сделанные из камня, кости или дерева, которые могли выполнять функции, схожие с функциями наскальных изображений в «пещерных храмах».

Здесь у нас снова возникает дуализм «маска – образ», который мы пробуем связать с палеоскульптурой.

Одним из наиболее ранних образцов палеоскульптуры выступает артефакт, относимый к ашельской культуре⁸, возраст которого составляет 250-280 тысяч лет. Речь идет о фрагменте камня (гальки), обработанном каменными орудиями и по виду напоминающем фигуру женщины. Он был найден в 1981 г. в пещере Берехат-Рам (см. рис. 8). Обратим внимание на то, что образцы наскальной живописи, о которых мы писали ранее, относятся к гораздо более позднему периоду (средний и поздний палеолит). «Венера из Берехат-Рама» была изготовлена индивидом, принадлежавшим, скорее всего, к одному из видов ранних гоминид (*Homo erectus*, *Homo habilis* или *Homo Heidelbergensis*), что ставит ее как бы в начало цепочки культурного развития гоминид в аспекте развития изобразительного, а возможно, и сакрального искусства [Goren-Inbar, 1986].

Рисунок 8 - Скульптурное изображение, напоминающее женщину, из пещеры Берехат-Рам

Данная скульптура в значительной степени уникальна, так как представляет некий исходный образец творчества в системе объемного искусства, который предшествует наскальной живописи. В связи с этим можно предположить примат объемного изображения над поверхностным и доминирование объемной маски над рисунком, в том числе изображением

⁸ Ашельская культура (1,76 млн – 150 (120) тысяч лет назад) – культура раннего палеолита. Возникла на основе олдувайской культуры. Считается, что это первая из человеческих культур, покинувших пределы Африки. Впоследствии сменяется в Евразии мустьерской культурой, а в Африке – сангойской.

руки. Данная гипотеза является весьма условной, так как аналогов именно маски как артефакта в этот исторический период археологам пока обнаружить не удалось (возможно, из-за того, что они создавались из недолговечных материалов, например дерева и коры). Тем не менее очевидно, что мы имеем дело с трендом развития архаичного скульптурного искусства, который доминирует над трендом плоскостного рисунка. Здесь в качестве примера можно привести более поздние миниатюрные скульптурные изображения, причем не только палеолитической Венеры, но и скульптур, относимых к тотемизму. В качестве примера здесь можно апеллировать к фигуре человекольва (см. рис. 9), которая была обнаружена в пещере Штадель. Данная фигура интересна тем, что ориентирует нас на культ тотемизма. Первоначальный возраст – 40-35 тысяч лет [Панов, 2016]. Эта скульптура высотой 35 см, созданная из бивня мамонта, была спрятана в небольшой камере у подножия задней стены пещеры вместе с 17 артефактами типа амулетов. Большинство из них – клыки животных, снабженные отверстиями, что позволяло использовать их в качестве персональных украшений-подвесок [Kind et al., 2014] и проводить ассоциирование с поведением и сущностью тотема – льва, что говорит нам о восприятии древним человеком образа животного, проецируемого на себя, без участия «руки» или иных индивидуальных физиологических атрибутов, хотя и с учетом антропоморфизма, так как у скульптуры тело человека.

Рисунок 9 - Восстановленная скульптура человекольва из пещеры Штадель

Дополнительным фактором, нивелирующим образ руки как маски, выступает, к примеру, исследование А. Леруа-Гурана, который, анализируя образы палеолитического искусства разных периодов, показал, что на территории исследования (юго-западе Европы) главной темой первобытного творчества были изображения животных. В его выборке из 1522 скульптур и гравюр, найденных в Европе, только 7,7% рисунков изображали людей, в то время как остальные были связаны с животным миром, который, очевидно, задавал тон искусству, в том числе влиял на те образы, которые, как маску, примеряли на себя первобытные люди [Leroi-Gourhan, 1965].

Тем не менее данный тезис является относительным, так как на территории бывшего СССР доли изображений животных и людей оценивают в 30 и 42% соответственно [Селиванов, 1983], что говорит о различии тенденций эволюции сакральных культов гоминид в период раннего и среднего палеолита, а также – с учетом расселения гоминид с Юга на Север, а затем с Запада на Восток – о том, что в процессе социогенеза роль человека возвышалась и тотемические практики постепенно уступали место шаманистическим.

В то же время нельзя не отметить доминирование культа Венеры палеолита во многих архаичных культурах. Например, З.А. Абрамова, обобщила материал с территории Евразии и констатировала, что «из 512 находок образ женщины запечатлен в 266 случаях, мужчины – в 24, человека без определенных признаков пола – в 128. Кроме того, 94 памятника дают образ человекоподобных (зооморфных или антропоморфных) созданий» [Абрамова, 1966]. Таким образом, около 52% общего количества памятников составляют изображения женщин.

В связи с этим образ руки-маски снова ставится под сомнение, так как палеолитическое творчество в целом скорее тяготеет к изображению Венеры или антропоморфных созданий, нежели к образу мужчины-охотника, хотя он также занимает определенную нишу в палеоискусстве и, возможно, в отдельных культах мог выступать в качестве основного.

Заключение

По итогам нашего анализа гипотеза руки-маски получает частичное подтверждение. С одной стороны, мы констатируем, что рука – это исходный атрибут человека, поэтому она может применяться одновременно и в бытовых, и в сакральных практиках. Что касается сакральных практик, то они производны от бытовых и связаны с практиками сакрализации (обожествления) тех аспектов человеческого существования, которые не могут быть интерпретированы с помощью рационального мышления. Здесь речь идет в первую очередь о функции пещеры-храма. Предполагается, что отдельные пещеры позиционировались как портал между миром живых и миром мертвых. Таким образом через прикосновение к поверхности камня могла имитироваться связь поколений. Второй момент связан с обрядом инициации. С учетом того, что пещера выступала в качестве сакрального помещения – «храма», отпечаток на стене в отдельных палеокультурах мог служить символом преемственности поколений и защиты духов предков. В данном случае символ руки отражал личность общающегося с предками.

Третий эпизод связан с отпечатками «неполных» ладоней. В диалоге с другими статьями было установлено, что удаление пальцев – распространенная в архаичных обществах практика, однако авторы пришли к заключению, в том числе на основании проведенного эксперимента, что удаление более чем одной фаланги маловероятно, так как это привело бы к утрате работоспособности и даже смерти иницируемого. Исключение могут составлять лишь

шаманские практики, где статус шамана способствовал заботе о нем всего остального племени, а он, в свою очередь, приносил часть себя в жертву тотему или божествам. Этим, в частности, обусловлено наличие сравнительно небольшого количества трафаретов с отсутствием более двух пальцев в пещере Коске и на других археологических объектах.

Еще одним вариантом, который имеет право на существование, является феномен руки-печати или руки-подписи, которая уже в более поздний период указывает на сопричастность людей какому-то значимому событию.

Все эти выводы позволяют нам говорить о том, что рука как инструмент и как символ являлась важным атрибутом палеокультуры и вполне могла использоваться для идентификации как персонализированная маска. Но обратим внимание на то, что это лишь один из вариантов, и в широкой практике, с самого раннего исторического периода, вероятно существовали иные формы самовыражения, связанные с созданием неолитических скульптур, а возможно, и полноценных масок, не дошедших до нас в силу хрупкости и уязвимости материала, например дерева и коры.

Все это подтверждает относительность гипотезы о том, что рука человека могла выступать в качестве «первой маски», и свидетельствует о многовекторности человеческой культурной традиции, аргументировать которую могут лишь новые археологические открытия.

Библиография

1. Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966. 223 с.
2. Воронцов В.А. О первой маске и ее роли в генезисе древних верований и знаковых систем. Казань, 2017. URL: <http://админ.татаровед.рф/uploads/libraries/original/16cb7e059a52ea9f7c83eac80efcaa8d055098.pdf?1489483501>
3. Ганиев Р. Как выглядели самые первые маски в истории? URL: <https://hi-news.ru/eto-interesno/kak-vyglyadeli-samye-pervye-maski-v-istorii.html>
4. Зеленская Г. Галерея Коске, Франция: пещера с трагичной судьбой. URL: <https://mif-meduza.ru/2017/12/01/пещера-под-водой/>
5. Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М., 2007. 302 с.
6. Конспекты лекций С.З. Агранович психологам о сказке. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/light2811/post329935314>
7. Люке Г. Религия ископаемого человека. М.: Безбожник, 1930. 56 с.
8. Оля Б. Боги Тропической Африки. М.: Наука, 1976. 286 с.
9. Отпечатки «детских ручек» в Пещере зверей. URL: https://elementy.ru/kartinka_dnya/18/Отпечатки_detskikh_ruchek_v_Peshchere_zverey
10. Панов Е.Н. Зарождение творчества: знаки на камне // Природа. 2016. № 9. С. 51-63.
11. Селиванов В.В. К вопросу о становлении образа человека в искусстве палеолита (мужчина и женщина) // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 8-26.
12. Трафареты рук из пещеры Гаргас, Франция. Коллаж. URL: <https://22century.ru/popular-science-publications/homo-medicus1/attachment/09-amp>
13. Чем денисовский человек отличается от Homo sapiens? URL: <https://masterok.livejournal.com/2587028.html>
14. D'Errico F., Dayet Bouillot L., García-Diez M., Pitarch Martí A., Garrido Pimentel D., Zilhao J. The technology of the earliest European cave paintings: El Castillo Cave, Spain // Journal of archaeological science. 2016. Vol. 70. P. 48-65.
15. Goren-Inbar N. A figurine from the Acheulean site of Berekhat Ram // Mitekufat haeven. 1986. Vol. 19. P. 7-11.
16. Honoré E., Rakza T., Senut B., Deruelle P., Pouydebat E. First identification of non-human stencil hands at Wadi Sura II (Egypt): a morphometric study for new insights into rock art symbolism // Journal of archaeological science: reports. 2016. Vol. 6. P. 242-247.
17. Kind C.-J., Ebinger-Rist N., Wolf S., Beutelspacher T. The smile of the Lion Man. Recent excavations in Stadel Cave (Baden-Württemberg, southwestern Germany) and the restoration of the famous Upper Palaeolithic figurine // Quartär. 2014. Vol. 61. P. 129-145.
18. Leroi-Gourhan A. Prehistoire de l'art occidental. Paris, 1965. 482 p.
19. Lewis-Williams J.D. Quanto?: the issue of 'many meanings' in southern African San rock art research // South African archaeological bulletin. 1998. Vol. 53. No. 168. P. 86-97.
20. Lewis-Williams J.D. The enigma of Palaeolithic cave art // The seventy great mysteries of the ancient world: unlocking

- the secrets of past civilizations. Thames & Hudson, 2001. P. 96-100.
21. Lewis-Williams J.D. Wrestling with analogy: a methodological dilemma in Upper Palaeolithic art research // Proceedings of the Prehistoric Society. 1991. Vol. 57. No. 1. P. 149-162.
22. McCauley B., Maxwell D., Collard M. A cross-cultural perspective on Upper Palaeolithic hand images with missing phalanges // Journal of Paleolithic archaeology. 2018. Vol. 1. P. 314-333.

The hypothesis about the human hand as the first mask: argumentation and refutation

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of comparative political science,
Peoples' Friendship University of Russia,
Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Professor at the Department of Oriental and African studies,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Abstract

The mask in human culture is one of the key attributes created for sacred, imitation or creative purposes. The mask in one form or another is present in all cultural traditions, and the earliest of the discovered samples date back to the 9th millennium BC. At the same time, science does not have an unambiguous answer to the question why the mask as an attribute of culture has become so widespread and what became the starting point for this material cultural tradition. Taking into account archaeological data, the author of the article considers key assumptions, including the discussion with the hypothesis that the mask as an attribute of culture originates in the human body, namely, is comparable in its initial functions with the human hand, which some researchers interpret as the "first mask" in human culture. The results of the analysis show that the hypothesis about the hand-mask receives partial confirmation. The author states that the hand is the original attribute of a person, so it can be used simultaneously in everyday and sacred practices. As for sacred practices, they are derived from everyday ones and are associated with the practices of sacralization (deification) of the aspects of human existence that cannot be interpreted with the help of rational thinking.

For citation

Medushevskii N.A. (2022) Gipoteza o chelovecheskoi ruke kak pervoi maske: argumentatsiya i oproverzhenie [The hypothesis about the human hand as the first mask: argumentation and refutation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (1A), pp. 302-320. DOI: 10.34670/AR.2022.37.71.036

Keywords

Mask, hand, face, rock art, stencil, sculpture.

References

1. Abramova Z.A. (1966) *Izobrazheniya cheloveka v paleoliticheskom iskusstve Evrazii* [Human images in the Paleolithic art of Eurasia]. Moscow; Leningrad.
2. Caillois R. (1967) *Les jeux et les hommes: essais de sociologie de la culture*. Paris. (Russ. ed.: Caillois R. (2007) *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury*. Moscow.)
3. *Chem denisovskii chelovek otlichaetsya ot Homo sapiens?* [How does Homo denisovensis differ from Homo sapiens?] Available at: <https://masterok.livejournal.com/2587028.html> [Accessed 26/02/22].
4. D'Errico F., Dayet Bouillot L., García-Diez M., Pitarch Martí A., Garrido Pimentel D., Zilhao J. (2016) The technology of the earliest European cave paintings: El Castillo Cave, Spain. *Journal of archaeological science*, 70, pp. 48-65.
5. Ganiev R. *Kak vyglyadeli samye pervye maski v istorii?* [What did the very first masks in history look like?] Available at: <https://hi-news.ru/eto-interesno/kak-vyglyadeli-samye-pervye-maski-v-istorii.html> [Accessed 26/02/22].
6. Goren-Inbar N. (1986) A figurine from the Acheulean site of Berekhat Ram. *Mitekufat haeven*, 19, pp. 7-11.
7. Holas B. (1968) *Les dieux d'Afrique noire*. Paris. (Russ. ed.: Holas B. (1976) *Bogi Tropichestkoi Afriki*. Moscow: Nauka Publ.)
8. Honoré E., Rakza T., Senut B., Deruelle P., Pouydebat E. (2016) First identification of non-human stencil hands at Wadi Sura II (Egypt): a morphometric study for new insights into rock art symbolism. *Journal of archaeological science: reports*, 6, pp. 242-247.
9. Kind C.-J., Ebinger-Rist N., Wolf S., Beutelspacher T. (2014) The smile of the Lion Man. Recent excavations in Stadel Cave (Baden-Württemberg, southwestern Germany) and the restoration of the famous Upper Palaeolithic figurine. *Quartär*, 61, pp. 129-145.
10. *Konspekty lektsii S.Z. Agranovich psikhologam o skazke* [A compendium of lectures on fairy tales delivered by S.Z. Agranovich to psychologists]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/light2811/post329935314> [Accessed 26/02/22].
11. Leroi-Gourhan A. (1965) *Prehistoire de l'art occidental*. Paris.
12. Lewis-Williams J.D. (1998) Quanto?: the issue of 'many meanings' in southern African San rock art research. *South African archaeological bulletin*, 53 (168), pp. 86-97.
13. Lewis-Williams J.D. (2001) The enigma of Palaeolithic cave art. In: *The seventy great mysteries of the ancient world: unlocking the secrets of past civilizations*. Thames & Hudson, pp. 96-100.
14. Lewis-Williams J.D. (1991) Wrestling with analogy: a methodological dilemma in Upper Palaeolithic art research. *Proceedings of the Prehistoric Society*, 57 (1), pp. 149-162.
15. Luquet G.H. (1926) *L'art et la religion de l'homme fossile*. Paris. (Russ. ed.: Luquet G.H. (1930) *Religiya iskopaemogo cheloveka*. Moscow: Bezbozhnik Publ.)
16. McCauley B., Maxwell D., Collard M. (2018) A cross-cultural perspective on Upper Palaeolithic hand images with missing phalanges. *Journal of Paleolithic archaeology*, 1, pp. 314-333.
17. *Otpechatki "detskikh ruchek" v Peshchere zverei* ["Baby" handprints in the Cave of the Beasts]. Available at: https://elementy.ru/kartinka_dnya/18/Otpechatki_detskikh_ruchek_v_Peshchere_zverey [Accessed 26/02/22].
18. Panov E.N. (2016) Zarozhdenie tvorchestva: znaki na kamne [The birth of creativity: signs on stone]. *Priroda* [Nature], 9, pp. 51-63.
19. Selivanov V.V. (1983) K voprosu o stanovlenii obraza cheloveka v iskusstve paleolita (muzhchina i zhenshchina) [On the formation of the human image in Paleolithic art (man and woman)]. In: *Plastika i risunki drevnikh kul'tur* [The plastic arts and drawings of ancient cultures]. Novosibirsk, pp. 8-26.
20. *Trafarety ruk iz peshchery Gargas, Frantsiya. Kollazh* [Hand stencils from the Caves of Gargas, France. A collage]. Available at: <https://22century.ru/popular-science-publications/homo-medicus1/attachment/09-amp> [Accessed 26/02/22].
21. Vorontsov V.A. (2017) *O pervoi maske i ee roli v genezise drevnikh verovaniy i znakovykh sistem* [On the first mask and its role in the genesis of ancient beliefs and sign systems]. Kazan. Available at: <http://админ.татаровед.рф/uploads/libraries/original/16cb7e059a52ea9f7c83eacec80efcaa8d055098.pdf?1489483501> [Accessed 26/02/22].
22. Zelenskaya G. *Galereya Koske, Frantsiya: peshchera s tragichnoi sud'boi* [The Cosquer Cave, France: a cave with a tragic fate]. Available at: <https://mif-medya.ru/2017/12/01/пещера-под-водой/> [Accessed 26/02/22].